

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ПОЭТ ПЕРЕД КОМПЬЮТЕРОМ: ДЕВЯТЬ ВАРИАНТОВ

Олег Лекманов

Один из самых продолжительных и памятных разговоров с профессором Томасом Лангераком состоялся у меня в кулуарах амстердамской конференции, посвященной Борису Рыжему. Поэтому я хотел бы предложить для сборника в честь Томаса материал, связанный с моими партизанскими набегами в область современной русской поэзии.

Это будут ответы девяти авторов на составленную мною анкету.¹ Ее тема – взаимодействие в XXI веке *поэта* и *компьютера*. Увы, двоих из опрошенных авторов уже нет с нами.

Отвечающие подбирались более или менее по произволу составителя анкеты – я исходил из собственных представлений о самых интересных и/или показательных русских поэтах современности. Ответы расположены в алфавите фамилий авторов. Датируются они промежутком с 2005 по 2014 гг.

1 Используйте ли Вы компьютер, когда пишете стихотворение? На какой стадии создания стихотворения он Вам пригождается?

Максим Амелин (род. в 1970 г.): Нет, при сочинении стихов никогда не использую. На компьютере пишу статьи, эссе, делаю некоторые переводы (Пиндар, например). Пригождается уже после всей основной работы в качестве печатающего и воспроизводящего устройства.

Сергей Гандлевский (род. в 1952 г.): Использую, но по большей части задним числом, когда замысел приходит в движение и есть, что записать.

Многократное устное повторение и переписывание (в прошлом – от руки, сейчас – на компьютере и в распечатке) всегда было важной составной частью работы. Будто я надеюсь (и, как показывает опыт, не напрасно), что, читая или переписывая уже готовые строки снова и снова, я проскочу место, где стихотворение застопорилось. Похоже на поведение человека, сбившегося с пути: вернуться в пункт, где ты еще не потерял ориентации, и попробовать, как впервые, выйти к месту назначения. Или, может быть, на поведение заики: проговорить фразу заново – с разгону.

Наталья Горбаневская (1936 – 2013): Только для записи. Вообще “пишу” стихи устно, бормоча, и обычно в движении, т. е. на ходу или в транспорте. Иногда записываю по дороге ручкой целиком или начало (чтобы не забыть), но на компьютер – уже готовое, крайне изредка переделывая какую-нибудь мелочь на этой стадии.

Тимур Кибиров (род. в 1955 г.): На компьютере я, как правило, набираю уже написанное стихотворение, как в свое время на машинке.

Александр Кушнер (род. в 1936 г.): Компьютером пользуюсь лишь при перепечатке уже написанного стихотворения, как пишущей машинкой.

Лев Лосев (1937 – 2009): Нет. Черновик стихотворения сочиняется в голове, потом я записываю его в записную книжку, там же делаю поправки.

Вера Полозкова (род. в 1986 г.): Всегда пишу в блокнот и только готовое перепечатаваю.

Ольга Седакова (род. в 1949 г.): Когда все уже готово и записано рукой на бумаге.

Глеб Шульпяков (род. в 1971 г.): На компьютере я только записываю готовое стихотворение, которое прежде складывается в голове. Это касается регулярной лирики. Большие верлибры и сюжетные вещи требуют работы с текстом, и тут я использую компьютер, конечно.

2 На какой стадии создания стихотворения Вы начинаете его записывать?

Максим Амелин: Сочиняю стихи не одномоментно, сочинительный процесс иногда может длиться несколько лет. Стихи слагаются в голове, и на этой стадии отбрасывается весь основной стихотворный мусор, ежедневно взбредающий любому стихоплету на ум. После первого взбредания чего бы то ни было я и не думаю это записывать. Только когда то же самое приходит второй, третий, десятый раз – мне становится как-то понятно, что это, возможно, что-то стоящее, и я начинаю его обкатывать и обволакивать – как моллюск песчинку. В какой-то момент становится ясно, что уже имеется нечто близкое к целому, обозримы его границы и все составные части, соответственно, пора то, что сложилось, записать на бумаге. И потом уже происходит (или не происходит) доводка и отделка, которые также могут длиться не один год.

Сергей Гандлевский: На этот вопрос я уже, вроде бы, ответил. Могу добавить, что компьютер как собственно “искусственный интеллект” мне при написании стихов не пригождается вовсе. Впрочем, он хорошо экономит время, когда надо уточнить цитату или авторство и т. п. Он для меня в большей мере усовершенствованная пишущая машинка. Будь в нем словарь рифм – другое дело, а пока меня, когда сажусь на мель, выручает “Грамматический словарь русского языка” А. А. Зализняка, где слова выстроены задом наперед. Но, как правило, в конце-то концов, остается рифма, найденная самостоятельно.

Наталья Горбаневская: На стадии полной или почти полной готовности.

Тимур Кибиров: Записываю, когда готово от четверти до половины текста, до этого все происходит в голове.

Александр Кушнер: Как правило, начинаю записывать сразу, как только является поэтическая мысль, приходящая вместе с первой строкой.

Лев Лосев: См. пункт 1.

Вера Полозкова: Когда есть одна или две строфы – уже ясно, что оно происходит и требует быть написанным.

Ольга Седакова: По существу, работаю “в уме”, записываю почти беловой вариант. На письме могут быть уже только небольшие поправки.

Глеб Шульпяков: Когда оно практически готово, разве что не хватает пары “кирпичей”, которые могут “прийти” именно в процессе переноса на бумагу.

3 Есть ли существенная разница: записывать текст стихотворения рукой (ручкой), печатать его на машинке или набирать его на компьютере?

Максим Амелин: На мой взгляд, нет, если стихотворение уже сложилось в готовое целое у автора в голове (у меня такого, увы, не происходит).

Сергей Гандлевский: Для меня принципиальной разницы нет, потому что я стихи не пишу, а *слагаю*: когда иду куда-нибудь по делам или гуляю с собакой. За письменным столом при написании стихов я провожу очень мало времени – записываю результат и, бормоча, слоняюсь дальше, если есть свободное время. Если меня вообще лишит всяких писчих принадлежностей (а к компьютеру у меня именно такое отношение), я стану сочинять стихи только в голове – я и так их главным образом в голове сочиняю. Правда, тогда я буду лишен немаловажной для меня составляющей “писания”: прочесть свои стихи, как чужие, с листа и подвергнуть их объективной редакции – без скидок на поэтические вольности и прочие страсти-мордасти. При прочтении с листа могут проявиться несообразности, не различимые при произнесении – повторы служебных слов, однокоренные слова и прочие ляпы.

Наталья Горбаневская: Для меня никакой. Лишь бы успеть, не забыть. На машинке я уже сто лет не печатала, но раньше машинка мне служила точно так же, как компьютер, т. е. на последней стадии.

Тимур Кибиров: Не знаю. Наверное, нет.

Александр Кушнер: Стихи пишу только рукой (ручкой). Ощущаю связь между умственным и мышечным импульсом, мыслью и движением руки (ручки) по бумаге. Голос и почерк тесно связаны. Кроме того, необходимо видеть всю страницу, иметь возможность перечеркивать слова и строки – и видеть перечеркнутое, иметь возможность делать поправки и дополнения слева и справа, сверху и снизу, подбирать и записывать рифмы, восстанавливать перечеркнутое, вставлять новую строфу, менять местами строфы и т. д. Текстологи, имея дело с автографом, как правило, читают текст сверху вниз, хотя на самом деле верх мог быть записан позже, побочные записи могли быть сделаны в разное время, точную последовательность создания текста восстановить невозможно.

Машинкой не пользуюсь уже лет десять-двенадцать.

Текст, перепечатанный на компьютере, помогает в заключительной стадии работы посмотреть на сделанное со стороны, увидеть погрешности, внести исправления.

Лев Лосев: Не знаю. Я привык записывать рукой.

Вера Полозкова: Для меня принципиальная – у меня строго определенная любимая ручка и единственный блокнот, и непосредственный, физический контакт с текстом для меня обязательная часть процесса – зачеркивать, переносить, оставлять пустые места для еще не найденного слова и т. д. За жизнь у меня несколько десятков таких блокнотов, никакие электронные архивы с ними не сравнятся.

Ольга Седакова: См. предыдущее. Записывать в конце концов все равно как. А статьи, эссе при этом пишу на компьютере.

Глеб Шутьяков: Как записывать почти готовое лирическое стихотворение – нет никакой разницы. Правда, последнее время я пристрастился печатать готовые стихи на печатной машинке. Но это, скорее, из ностальгических побуждений. К тому же есть некая связь между усилием слова и усилием, которое нужно, чтобы отпечатать это слово на машинке.

4 Сохраняете ли вы черновики стихотворения? А компьютерные черновики (если вы пользуетесь компьютером)?

Максим Амелин: Так как я записываю стихи в большие амбарные книги, то естественно их приходится оставлять, поскольку в них часто остаются недоделанные вещи, которые вылеживаются годами, пока не настанет их срок. Для некоторых он, возможно, не настанет никогда.

Сергей Гандлевский: Черновики на бумаге когда-то сохранял, как сохраняют на память открытку или программку консерватории. Компьютерных черновиков у меня нет, поскольку работа над стихотворением ведется на одной и той же компьютерной странице, и рано или поздно беловик вытесняет черновые наброски.

Наталья Горбаневская: Записные книжки (иногда с отдельными, очень немногими переделками) сохраняю. Компьютерных черновиков у меня нет, так как записываю стихи сразу в файл, где стоят предыдущие.

Тимур Кибиров: Черновики я уже лет 25 не сохраняю ни в каком виде.

Александр Кушнер: Черновики уничтожаю, и рукописные, и компьютерные. Но всю жизнь от руки записываю стихи, по мере из создания, в общие тетради, – их накопилось несколько десятков. Впрочем, разонравившиеся, неудачные стихи из этих тетрадей вырываю.

Лев Лосев: Да, они сохраняются в записных книжках. Иногда к стихотворению, которое сразу не получилось, я, листая записную книжку, возвращаюсь. Иногда даже через годы.

Вера Полозкова: Рукописные – часто, компьютерные – никогда.

Ольга Сedaкова: Почти никогда не сохраняю черновики.

Глеб Шульпяков: Нет, компьютерные не сохраняю. А других у меня нет.

5 Опишите, пожалуйста, возможно более подробно, как текст стихотворения из Вашей головы переносится на компьютерный монитор (если Вы пишете стихи, используя компьютер)?

Максим Амелин: См. сказанное выше.

Сергей Гандлевский: Узловые слова или словосочетания могут храниться в сознании годами – из них со временем могут вырасти стихи, как кристаллы. Под эти “эмбрионы” мной заведена папка в компьютере (раньше, в докомпьютерную пору, был пронумерованный список замыслов в рабочей тетради). В каждом файле может быть строфа, несколько слов, вроде ключа к тональности и настроению будущего опуса. Или это может быть абракадабра – “рыба” какого-нибудь необычного, случайно пришедшего в голову, размера или строфы. Будто у меня есть запонки по вкусу; дело за малым: сшить в тон запонкам костюм и найти человека, которому это одеяние было бы к лицу. Раньше меня такой обратный порядок деятельности удивлял, теперь я к нему привык. Толчок к сочинительству я зафиксировать не могу, как не можем мы обозначить границу между сном и бодрствованием. Но явно, что этот “толчок” сопряжен с каким-то повышением восприимчивости вообще. Потому что я (как, наверное, и большинство людей) плохо помню будни, путаюсь, когда и где что-то произошло, но, как правило, запоминаю окружающие мелочи, обстановку, где меня “осенило”: скажем, когда мне пришла в голову такая-то строка, была осень, моросил дождь, я шел в булочную в 1-ом Новокузнецком...

Наталья Горбаневская: Согласно вышеизложенному, ответа на этот вопрос у меня быть не может.

Тимур Кибиров: См. ответ на первый вопрос.

Александр Кушнер: Не представляю, как это делается.

Лев Лосев: Не использую.

Вера Полозкова: Могу рассказать про блокнот – есть тексты, написанные сразу набело, без единого исправления, созревшие целиком, пока шел до блокнота. Есть хроника таких мук, ни единого уцелевшего слова из первоначального варианта, все переставлено местами и дописывалось на полях при нехватке места – такое люблю перечитывать больше всего.

Ольга Седакова: Этого не происходит.

Глеб Шумляков: При написании верлибра важно видеть текст, поэтому текстуальную форму для такого стихотворения я создаю путем бесконечной редактуры на мониторе. Но идея текста все равно решается в голове. Без ее, даже смутного, наличия за компьютер садиться бессмысленно, сам текст ничего за тебя не сделает.

6 Читаете ли Вы чужие стихи с экрана компьютера?

Максим Амелин: Да, читаю.

Сергей Гандлевский: Да, конечно, ведь немалую долю поэтических текстов я получаю от коллег по почте или читаю в Интернете, например, в Журнальном зале.

Наталья Горбаневская: Да, и очень много. Но весьма часто я, бросив взгляд в интернет и поняв, что это мне нравится, записываю в файл, а потом читаю внимательней (тоже с экрана!). Это в особенности относится к чужим стихам, которые я вывешиваю у себя в ЖЖ. Вывесив, я нередко их еще раз перечитываю, особенно некоторых опять-таки особенно любимых авторов.

Тимур Кибиров: Иногда приходится, но предпочитаю на бумаге.

Александр Кушнер: Читаю, когда их присылают по электронной почте знакомые или начинающие поэты. Но предпочитаю книжные и журнальные страницы.

Александр Кушнер: Изредка.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ПОЭТ ПЕРЕД КОМПЬЮТЕРОМ

Вера Полозкова: В половине случаев, многие из любимых поэтов заядлые блоггеры. поскольку происходит это уже лет десять, думаю, что мало что теряю. хотя бумажные сборники все равно люблю больше.

Ольга Седакова: Для ознакомления, да. Или если у меня нет книги этого поэта. В других случаях – в книге. Для ознакомления, да. Или если у меня нет книги этого поэта. В других случаях – в книге.

Глеб Шульпяков: Да, читаю. Как редактора меня это устраивает, хотя, если читать “для удовольствия”, я всегда выбираю “нормальную” книгу.

Москва, НИУ ВШЭ

Примечания

1 В этой статье использованы результаты проекта “Европейская словесность XIX – XX веков в кросс-культурной перспективе: текст и контекст”, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.